

В плену грамматики и словаря

Язык — не только орудие, но и диктатор. Даже не отдавая себе в этом отчёта, мы смотрим на мир в соответствии с тем, как выстраивает его наша грамматика и как делит его на части словарь.

Чего нельзя выразить в языке, трудно укоренить в сознании. Что в языке есть, то из сознания трудно выкорчевать. Когда общество раз за разом никак не может решить одну и ту же историческую задачу, возможно, это не злой рок, а просто исторически сложившаяся нехватка нужных слов?

«Причиной не столько моё субъективное мнение, сколько моя принадлежность культурной традиции...» Я написала это и остановилась. По всему получалось, что я исключаю оппонента из людей, принадлежащих культурной традиции вообще какой бы то ни было. Этого я совершенно не имела в виду. Пришлось дописать в скобках «одной из» и садиться думать.

Пользуясь я английским языком, неопределённый артикль со смыслом «один из многих» не дал бы проблеме даже возникнуть. Сколько копий поломано в русскоязычных полемиках просто потому, что в отсутствие артиклей совершенно невозможно понять, где «один из многих», а где «единственный». Иной раз закрадывается подозрение, что старая шутка «мнения делятся на моё и неправильные» или поиски единственно верного решения на все случаи жизни, это не более чем побочный эффект безартиклевого языка.

Что касается артиклей, умеряющих претензии сказанного на универсальность, русский язык полемики и анализа благополучно развил заменители — всевозможные «некий», «некоторый» (и парадоксальным образом — «определённый», как раз в обратном смысле). Дело в том, что, даже если какие-то оттенки смысла не «зашиты в дефолтные установки» нашего языка — в его грамматику, мы при необходимости выражаем их ценою всего лишь немного большего расхода печатных знаков; это называется — передать чужой грамматический смысл описательно. Но сколько ещё существует в родном языковом строе тайных механизмов, которые незаметно формируют наши представления о вещах?

«Мне во сне привиделось...»

Достаточно сравнить русский языковой строй с английским, этой «космолингвой» глобального мира, как глазам открывается удивительная картина.

Например, слово, которое мы сегодня чаще встречаем в значении «руководить» — *manage* (да, оно действительно происходит от латинского *manus* — рука), школьники выписывают в тетради со значением «удаваться, получаться». В этой возвратной частице *-ся* прячется ловушка: то, что по-английски *I managed*, по-русски окажется «Мне удалось». То есть не я лично, в именительном падеже, что-то сделал, а некое неназываемое «оно» пришло со стороны и мне удалось. Вообще, синтаксические конструкции родного языка чаще, чем хотелось бы, грамматически представляют человека безвольной игрушкой внешних сил: мне нравится, мне видно, мне слышно, у меня получилось — во всех этих конструкциях герой сообщения, которому, казалось бы, сам Бог велел стоять в позиции подлежащего, в именительном падеже, как это происходит в английских эквивалентах (*I like, I can see, I can hear, I succeeded in.*), представлен не субъектом, а пассивным объектом «действия», которое совершает, надо думать, некое загадочное «оно». «Оно» получилось у меня — где-то на моей территории, само, а могло бы пойти в другое место или вообще не получиться — кто его, это своевольное «оно» знает, что оно решит? «Оно» само мне понравилось, само привиделось, послышалось или подумалось.

В английском языке любое предложение обязано иметь подлежащее — субъект, действующее лицо, «возглавляющее» предложение даже в пассивном залоге (никаких «мне не сказали, меня не предупредили» — *I haven't been told*, и точка). Отступления от этого правила достаточно редки и изощрённы.

Коллекция русских неопределённо-личных и обобщённо-личных форм, понижающая главного героя в грамматическом статусе, может по своему богатству сравниться только с коллекцией русских же суффиксов,

выражающих эмоциональное отношение говорящего к называемому. Лёгкость, с которой хрестоматийный «парень» по нашему произволу превращается в паренька, парнишку, парнишечку и парнище, не имеет аналогов в европейских языках. А как объяснить иностранцу, что случилось с «синим», что он стал «синеньким», или что «тихонечко» — это не «маленькое тихо»? Выразить по-русски широчайший спектр эмоционального отношения к предмету разговора, причём преимущественно в духе «ах ты, мой маленький», неизмеримо легче, чем по-английски. А вот взять на себя ответственность и единолично (а не обобщённо или неопределённо-лично) стать героем собственного действия — похоже, труднее.

Однако в том, что касается выбора синтаксических конструкций, мы всё-таки свободны взять ответственность на себя. Ничто не мешает современному человеку сказать «я смог...» вместо «мне удалось...» и «я считаю...» вместо «общеизвестно, что...». Правда, для этого придётся преодолеть некое культурологическое табу. Легко «якать» англичанам, которые почтительно пишут это местоимение с заглавной буквы, а в русском языке, как известно, «я — последняя буква алфавита», о чём носителям языка с пелёнок напоминают воспитатели и учителя.

Но со словарём всё ещё сложнее. Многие слова современной речи, например общественно-политического дискурса, которые кажутся точными аналогами их англоязычных партнёров, на самом деле значат для нас немного другое просто в силу своей иной этимологии и того, что лингвисты называют внутренней формой слова.

Человек ли женщина?

Что такое внутренняя форма? Посмотрите на слово «друг». Всего один «незамысленный» взгляд отделяет нас от осознания, что оно родственно слову «другой» — второе отбрасывает свой ответ на первое, уточняет его значение. Не надо заглядывать в этимологический словарь Фасмера, чтобы далее увидеть, что с ним же ассоциируется слово «дружина» — однородное военизированное мужское сообщество.

Если теперь обратиться к его словарному переводу на английский — *friend*, то ассоциации окажутся иными. Английское *friend* этимологически связано с древнеанглийским *freogan* — любить, чтить, проявлять благосклонность (Фрейей звали скандинавскую богиню любви, аналогичную римской Венере и греческой Афродите). Кстати, от того же «любить» происходит и английское *free* — свободный. Хотелось бы приписать этому родству возвышенный поэтический смысл, но на самом деле «возлюбленными» этикетно называли друга друга члены древнегерманского клана, рода или племенного объединения, то есть люди в рамках своего общества полноправные, в отличие от рабов. «Свой — значит, свободный», эта логика отражена и в русском «свобода», этимологически происходящем из того же общеиндоевропейского корня-источника, что и «свой». Итак, «друг» — это, прежде всего, боевой товарищ («дружина»), а *friend* — это свободный человек одного с тобою рода-племени, «возлюбленный и чтимый» в этом качестве, независимо от его возраста и рода занятий. Подчёркивая высокую, жизненную значимость боевого товарища, русский язык противопоставляет «друга» «приятелю» (внутренняя форма второго тоже вполне понятна) — разделение, отсутствующее в английском языке, где словом *friend* охватываются и тот, «с кем пойти в разведку», и приятель, и просто знакомый.

Ещё один пример внутренней формы — английское *woman* и его русский, казалось бы, буквальный эквивалент «женщина». Слова «жена» и «женщина» восходят к общеиндоевропейскому корню *gen* со значением «род», «порождать». Английское же *woman* происходит из стянутых в одно древнегерманских слов *wif* — женщина и *man* — человек (изначально это слово относилось к обоим полам), то есть буквально *woman* — это «человек женского рода», а «женщина» — «родительница». Неудивительно, что в русскоязычном сознании женщина — это «прежде всего мать», а в англоязычном — партнёрша, *significant other* («значимый другой»), и мать Иисуса Христа мы называем Богородицей, а Запад — Девой Марией. Неудивительно также, что и законодательные нормы, защищавшие имущественные права «женщины-человека», появились уже в англосаксонский период (V—XI века).

Думать или говорить?

Как мы видим, словарный смысл может быть один и тот же, но внутренняя форма — связи, в которых «исторически замечено» то или иное слово, — неявным образом влияет на его восприятие и употребление, иногда довольно сильно.

Например, одиозное «парламент — не место для дискуссий» формально — действительно оксюморон, потому что слово как раз восходит к французскому *parler* — говорить. Буквально «парламент» — это «говорильня». Но русский язык вообще не доверяет разговорам. «Говорильня» окрашена негативно, да и синонимический ряд, за вычетом одного-двух нейтральных слов, не жалуется устной коммуникации: судачить, болтать, вещать,

трещать, молоть языком, базарить — не самые респектабельные занятия...

Совсем иное дело — думать. Это похвально и поощряемо. Поэтому Дума, хотя формально и служит аналогом парламентов как коллегиальных органов власти, совершенно не идентична им в сознании носителей языка и, возможно, действительно не является местом для дискуссий. Мыслителей они только отвлекают.

Состав тех, кто говорит в парламенте, и тех, кто думает в Думе, «этимологически весьма различен».

В Думе заседают бояре — родовая, наследственная знать. Кстати, слово «знать», «знатные люди» — этимологический брат латинского *pobilis* — благородный, оба слова восходят к праиндоевропейскому *gno-* со значением «знать» и относятся к тем, кто известен и славен. В эпоху, не располагавшую средствами массовой коммуникации, всю надежду прославиться и получить политический вес крупные военные вожди возлагали на сказителей, бардов — профессионалов слова: известность, созданная ими, жила долго и распространялась далеко.

Этимология слова «боярин» неоднозначна, но наиболее убедительно историки языка возводят его изначальную форму «болярин» к древнетюркскому *boila* — богатый, знатный; строго говоря, боярин недалеко ушёл от бая.

«Ввиду распространённых представлений о боярской думе как учреждении, — пишет русский историк первой половины XX века С. Веселовский, — следует напомнить, что у дворян, которых царь “пускал”, или жаловал, к себе в думу, то есть в “советные люди”, не было ни канцелярии, ни штата сотрудников, ни своего делопроизводства и архива решённых дел. Царь по своему усмотрению одних думцев назначал на воеводство <...> других отправлял послами в иноземные государства, иным поручал, “приказывал” какое-либо дело или целую отрасль управления, наконец, некоторых оставлял при себе в качестве постоянных советников по текущим вопросам государственного управления». Иван Грозный в переписке с Курбским формулирует свой идеал отношений с советниками так: «Жаловати сами своих холопей вольны, а и казнити вольны есмы».

Покладистые «холопья» заседали в Думе, вынося решения с формулой «по государеву указу бояре приговорили...», пока указом Петра I её не сменил Сенат, отсылающий к Древнему Риму и знаменующий тем самым имперские амбиции молодой страны. Латинское *senat* восходит к корню *senex* — старый, старший и означает буквально старейшин. Российский Сенат был не столько попыткой разделения властей, сколько попыткой единовластного правителя делегировать часть своих государственных забот с возможностью так или иначе контролировать ход процесса. В разные эпохи монаршая воля к такому делегированию была различной, а сложность сенатской структуры в основном возрастала. В результате одной из главных заслуг «старейшин» (часто весьма третьестепенных и малозначимых в масштабах империи людей) стала феноменальная, прославленная русской литературой бюрократия и специальные законодательные нормы, серьёзно (под страхом судебного преследования) ограничивавшие право подданных жаловаться на Сенат.

Итак, образ коллегиального органа власти в сознании носителя русского языка — это собрание старших, лучших, непререкаемо авторитетных людей, чьё дело — думать за всю страну.

Главные или равные?

А что собой представляет этимологически парламент британский? Сегодняшняя Великобритания чаще всего называет этим словом палату общин, чья влияние в политическом процессе гораздо больше, чем у палаты лордов (последняя скорее служит резервом министерских кадров и, по мнению многих, рудиментарна), однако так было не всегда.

Официальный предшественник парламента — существовавший с VII века на Британских островах *witenagemot*, совещательный орган, представлявший интересы знати и духовенства при англосаксонских королях. Слово означало «собрание мудрых людей», от древнеанглийского *witan* — мудрец, советник и *gemot* — собрание. Его предком, в свою очередь, считаются германские племенные собрания, аналогичные нашему новгородскому вече.

Witenagemot (витенагемот) существовал столько, сколько англосаксонская династия, и закончился с норманнским завоеванием. Однако при Вильгельме Нормандском существовал его собственный совет крупнейших баронов и церковных иерархов, все — со своими интересами и амбициями. Иван Грозный этого бы не одобрил: бароны и церковь — постоянная головная боль английской короны в Средние века, без них невозможно, с ними — очень трудно. В начале XIII века королевская власть ослабевает настолько, что Иоанн Безземельный под давлением баронов подписывает на острове Раннимид, посреди Темзы, Великую хартию вольностей, *Magna Carta*.

Латиноязычный оригинал с королевским автографом не сохранился, а из переводов, которые тут же курьерами (спасибо дорогам, построенным римлянами) были разосланы по всей стране, до нас дошло лишь четыре экземпляра. По сути, в момент подписания это был достаточно рабочий документ, известный как «тезисы баронов» и попросту расширявший их права. В тот же год Иоанн отказался соблюдать Хартию, его наследники то подтверждали свою приверженность Хартии, то нарушали её, потом о Хартии надолго забыли и вспомнили только в патетические времена Реформации. Потом она и вовсе устарела, но одну строчку из неё до сих пор знает каждый школьник в Великобритании: «Ни один свободный человек не может быть схвачен, посажен в тюрьму, лишён имущества, иначе как по законному приговору суда равных».

К тому моменту, когда, через 50 лет после Раннимиды, в Англии возникнет первый парламент — тот, что даст повод ей называться «матерью европейского парламентаризма», — эти слова уже сказаны, и именно «равных» парламент и объединяет.

Это пэры.

Пэр — не титул, а обобщающая категория для представителей любого из пяти дворянских сословий Англии. Слово происходит от латинского *par* — равновеликий, равный, одного качества и достоинства и в современном языке распространилось весьма широко: социальные психологи рассуждают о влиянии *peer group* — одноклассников, ровесников, товарищей по субкультуре — на неокрепшие души подростков; и об эффекте *peer pressure* (группового давления) — в целом того, что неявно заставляет человека «не выделяться из своих». Научные журналы самой высокой пробы относятся к категории *peer reviewed*: публикации в них проходят экспертизу внешних представителей научного сообщества, а не нанятого специально для этой цели редакционного эксперта. Идея совместной принадлежности к какой-то группе и равноценности внутри этой группы в термине *peer* выражена очень отчётливо. Интересно, что для переноса соответствующего психологического понятия в русский язык пришлось воспользоваться словом «группа»: слово «пэр» в русском воспринимается как «кто-то знатный и важный», а собственного термина — с акцентом на равенстве членов группы между собой — нет.

Таким образом, в отличие от «места, где думают старейшие», британский парламент этимологически оказывается «местом, где разговаривают равные».

Где нет разговора, нет и договорённости. Без пэров отечественный политический дискурс прожить может, но гораздо труднее обойтись без другого термина, неотъемлемого от коллегиальных способов принятия решений. В ранние 1990-е, на заре строительства в России демократических институтов, в язык пришло было слово «консенсус» — довольно невезучее заимствование, которому так и не нашлось ни перевода, ни применения. Этимологически оно состоит из латинских приставки *con-*, означающей совместность, совокупность, и корня *sensus* — «смысл, понимание, восприятие». Попытки растолковать себе и друг другу, что стоит за этим термином, приводили носителей русского языка к «согласию» и «единомыслию», на которые у посттоталитарного общества была вполне объяснимая аллергия. Никем не понятый и осмеянный, консенсус ушёл из обихода и сейчас употребляется разве что иронически.

Ничего удивительного, что сегодняшние, весьма разнообразные участники общественно-политического процесса открывают для себя необходимость договариваться в муках и на собственный страх и риск. Ни процесс, ни соответствующий результат русскоязычной политической терминологией не предусмотрены.

Возможно, со временем для «необходимости разговаривать», к которой сейчас апеллируют абсолютно все общественные институты, найдётся адекватный термин. А может быть, и сами эти слова превратятся в терминологическое клише и станут частью и гражданского, и бытового сознания. Не в словах, в конце концов, дело. Главное — это прекратить наконец «думать за других» и начать разговаривать.

Автор: Елена Вешняковская © Наука и жизнь КУЛЬТУРА, МИР 👁 5501 12.02.2012, 11:56 📄 437

URL: <https://babr24.com/?ADE=102555> Bytes: 17213 / 16955 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Елена
Вешняковская.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)